

УДК 94 (438+73) «1945»
DOI 10.52452/19931778_2024_4_15

ПОСОЛ США В СССР У.А. ГАРРИМАН И РЕШЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА В РАМКАХ МОСКОВСКОЙ КОМИССИИ, ФЕВРАЛЬ – ИЮНЬ 1945 г.

© 2024 г.

Д.Г. Немчинов

Вятский государственный университет, Киров

nemchaninovdg@gmail.com

Поступила в редакцию 11.12.2023

Анализируется деятельность посла США в СССР А. Гарримана в рамках Московской комиссии по формированию временного польского правительства с февраля по июнь 1945 г., куда он входил наряду с послом Великобритании в Москве А. Кларком Керром и советским наркомом иностранных дел В. Молотовым. Исследуются основные мотивы, взгляды и тактика ведения переговорного процесса американского посла, их влияние на политику Соединённых Штатов в отношении Польши в первой половине 1945 г., непосредственное решение польского вопроса и развитие международной ситуации. Обосновываются выводы о существенном влиянии деятельности Гарримана на формирование Временного правительства национального единства Польши. В ходе переговоров американский посол пользовался значительной самостоятельностью, что в итоге значительно повлияло на их исход, а также сформировало последующую тактику использования экономических механизмов в решении польского вопроса. Все достигнутые в ходе переговоров результаты носили паллиативный характер и оказали фундаментальное влияние на генезис холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, Польша, Ялтинская конференция, А. Гарриман, польский вопрос, польско-американские отношения, США.

Создание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений после окончания Второй мировой войны сопровождалось попытками ведущих держав антигитлеровской коалиции решить ряд фундаментальных вопросов мироустройства. Сам факт создания сфер влияния в мире не рассматривался изначально как что-то негативное, но скорее как закономерная часть плана послевоенного урегулирования, разработанного ещё американским президентом Ф. Рузвельтом, концепция «четырёх полицейских». Восточная Европа при таком раскладе становилась фактически естественным регионом доминирования Советского Союза. Польша же в данном случае становилась той самой линией соприкосновения сфер интересов стран Запада и СССР, что отражал глубокий внутренний конфликт в самом польском обществе. Наличие среди поляков множества самых разных политических группировок, придерживавшихся весьма полярных взглядов на устройство польского государства и вступавших в связи с этим друг с другом в фактически вооружённое противостояние, позволяло многим историкам говорить о латентной гражданской войне в Польше. Об этом знали в Вашингтоне и поэтому придавали большое значение решению польского вопроса, в котором видели своеобразный индикатор комплементарности будущего взаи-

модействия великих держав и, как следствие, стабильности в международных отношениях. И здесь существенную роль в урегулировании польской проблемы сыграл У.А. Гарриман, американский предприниматель, политик и дипломат, посол США в СССР в 1943 – 1946 гг., стремившийся нивелировать данный конфликт и наладить взаимоотношения США и СССР. Поэтому целесообразно ещё раз обратиться к деятельности Гарримана на этом поприще и проанализировать: а был ли данный вариант решения польского вопроса наиболее оптимальным в данных условиях и можно ли было найти решение, удовлетворяющее все стороны конфликта?

Участие А. Гарримана в решении польского вопроса неоднократно поднималось в отечественной и зарубежной историографии. В частности, его в своих работах затрагивали В.О. Печатнов, В.Т. Юнгблюд, Р. Абрамсон, У. Айзексон. Однако опубликованные в последние годы документальные источники позволяют по-новому взглянуть на деятельность американского дипломата в данном направлении.

Польский вопрос с самого начала Второй мировой войны стал «яблоком раздора» в отношениях между ведущими державами антигитлеровской коалиции. Гарриман был назначен послом в Москву в 1943 г., в тот момент, когда

возник конфликт между польским эмигрантским правительством в Лондоне и руководством СССР. Гарриман неоднократно предпринимал попытки наладить отношения между лондонскими поляками и советским правительством, но не преуспел в этом деле [1, р. 380–381].

К началу 1945 г. польский вопрос требовал срочного решения. США и Великобритания признавали эмигрантское правительство в Лондоне, а СССР – созданное при его поддержке и под его контролем правительство в Люблине. На конференции в Ялте была принята компромиссная резолюция о реорганизации Люблинского правительства на более широкой демократической основе. Для выполнения этого решения в Москве была создана комиссия, куда входили посол США в СССР А. Гарриман, нарком иностранных дел СССР В. Молотов и посол Великобритании в СССР А. Кларк Керр [2, с. 216; 3, с. 45]. Комиссия должна была играть роль нейтрального посредника и арбитра между различными группами польских политических сил, но на деле обе стороны – советская и англо-американская – занимались введением собственных кандидатов в состав будущего польского правительства [4, с. 119].

23 февраля 1945 г. в Москве прошло первое заседание комиссии. Ссылаясь на заявление Большой Тройки по Польше, Молотов предложил в первую очередь вызвать в Москву представителей Люблинского правительства и обсудить с ними состав нового кабинета. Гарриман и Кларк Керр согласились и предложили сразу договориться о том, чтобы пригласить из Польши и из-за рубежа для консультаций, не обязательно включая их в состав нового правительства, краковского архиепископа А. Сапегу, представителя Крестьянской партии (*Stronnictwo Ludowe* – СЛ) В. Витоса и военного корреспондента М. Жулавского. Молотов не высказал возражений и напомнил о списке имен, переданном президентом Ф. Рузвельтом советскому лидеру И. Сталину в Ялте, в котором значились Ф. Буяк и С. Кутшеба (до войны профессора, соответственно, Львовского и Краковского университетов). Гарриман предложил добавить к этому списку С. Миколайчика, С. Грабского и Т. Ромера, напомнив, что Рузвельт упомянул в Ялте о серьезном отношении в США к личности Миколайчика, а также о том, что общественное мнение в его стране не поймет, если решения, принятые во время консультаций по формированию состава нового польского правительства, будут приняты без участия Миколайчика. К предложенной Молотовым кандидатуре генерала Л. Желиговского Гарриман отнёсся скептически из-за его почтенного возраста. В итоге

было решено пригласить пять человек из Польши и трёх из Лондона, при условии, что данные кандидатуры устроят представителей Люблина. Гарриман считал целесообразным не доводить до широкой общественности эти сведения [5, р. 123–124; 6, с. 653–655; 7, с. 9–12; 8, с. 2–5].

24 февраля 1945 г. предложенные США и Великобританией кандидатуры поляков, за исключением Кутшебы и Грабского, были отвергнуты Люблинским правительством, которое мотивировало это тем, что деятельность предложенных фигур не соответствует демократическому духу решений Крымской конференции [9, с. 9–10]. В донесениях советских дипломатов Сапега характеризовался как «человек эндекофашистского типа, беспредельно преданный Ватикану, враг демократии», Буяк – как «реакционер», а Жулавский – «болезненный и слабохарактерный, но приемлемый» [9, с. 15–16]. По мнению Гарримана, представители Люблина имели ложное представление о достигнутом в Ялте соглашении. Однако и Вашингтон, и Лондон были согласны с приездом в Москву Б. Берута, Э. Осубка-Моравского и М. Роля-Жимерского. Гарриман и Керр, используя меморандум С. Миколайчика, предложили к рассмотрению новый список, в который вошли: М. Сейда (эндеция), К. Попель (*Stronnictwo Pracy* – СП), Я. Станчик (Польская социалистическая партия, *Polska Partia Socjalistyczna* – ППС), Ю. Хачинский (СП), Ф. Урбанский (СП), С. Зелинский, бывший председатель Сената Польши В. Трампчинский, К. Багинский (СЛ) и З. Заремба (ППС) [5, р. 128–130].

В Госдепартаменте полагали, что для достижения соглашения с СССР следует проявлять гибкость. Считалось важным, чтобы к переговорам кроме представителей демократических кругов, были привлечены военные, пользовавшиеся уважением в польских войсках. 150-тысячная группировка польских войск находилась на Западе, и в руководстве Великобритании и США сомневались, что они согласятся признать новое правительство. Поэтому, по мнению Госдепартамента, было уместно включить в его состав какого-либо высокопоставленного польского генерала с Запада, приемлемого для Советского Союза. Кроме того, в американском руководстве считали, что на переговорах в Москве следует добиваться, чтобы Люблинское правительство приостановило до формирования нового правительства судебные разбирательства в отношении своих политических оппонентов, за исключением тех, кто подозревался в преступлениях против закона или против советских войск [5, р. 130–131].

На заседании 27 февраля Молотов высказал мысль о целесообразности посещения американскими и британскими представителями Польши для получения информации из первых рук. Черчилль в письме Рузвельту писал о первостепенной значимости присутствия представителей США и Великобритании в Польше. Гарриман соглашался организовать поездку американских дипломатов в Варшаву, так как, по его мнению, достоверная информация с места могла послужить важным подспорьем в дискуссиях комиссии. При этом он подчеркивал, что американские делегаты будут его личными представителями как члена комиссии, не являясь аккредитованными дипломатами при варшавском правительстве, представляющими интересы США [5, p. 132–133].

28 февраля Керр заявил о требовании британского правительства, чтобы в Москву на переговоры вначале прибыли представители демократических сил в Польше и эмиграции. Однако советская сторона отказалась согласовывать тех из них, кого не было в списке, предложенном Люблинским правительством, на основании отсутствия сведений об их отношении к решениям Крымской конференции. Молотов соглашался только на Кутшебу, Грабского и Желиговского, всячески сопротивляясь приезду Миколайчика, указывая на то, что тот не признает ялтинские решения по Польше. Однако без Миколайчика ни США, ни Великобритания не желали утверждать список делегации лондонских поляков. В итоге приезд представителей Люблинского комитета в Москву был отложен. Гарриман возражал против данного решения, так как считал, что до начала обсуждения вопроса о формировании нового польского правительства следовало обсудить с поляками из Люблина и Молотовым их принципиальные позиции, чтобы выяснить, есть ли вообще возможность для соглашения. Посол был убежден, что, с одной стороны, в СССР не могут допустить провала решений по Крыму, с другой стороны, он считал, что Молотов в соответствии с инструкцией Сталина будет сопротивляться включению в новое польское правительство любых неподконтрольных Кремлю членов. Докладывая в Госдепартамент, он отмечал, что ощущает на себе типичную советскую тактику изматывания оппонента [5, p. 135–137]. По мере развития переговоров и понимания того, что нелюблинские поляки получают в новом правительстве в лучшем случае символические должности, пессимизм Гарримана постепенно нарастал, а его оценка ситуации становилась всё более жёсткой [10, p. 247].

В Вашингтоне соглашались, что присутствие наблюдателей в Варшаве могло стать эффективной мерой, однако выступали против наделяния их необходимыми полномочиями для подготовки к выборам. Заместитель госсекретаря Д. Грю считал, что, несмотря на различия в позициях Молотова и Гарримана, важно, чтобы комиссия стремилась действовать как единое целое, так как только такой подход соответствовал духу Ялты и только таким образом можно было добиться успеха в польском вопросе [5, p. 138–139].

В ответном письме от 3 марта 1945 г. Гарриман сообщал, что сомневается, что советская сторона одобрит приезд в Москву Миколайчика из-за того, что тот критиковал Ялтинские соглашения, а также вследствие выдвинутых им условий. В частности, Миколайчик настаивал на обнародовании информации о списке приглашённых в Москву поляков, а также чтобы его приезд в Москву предшествовал прибытию туда представителей Люблинского комитета. Кроме того, он желал получить гарантии беспрепятственного выезда из Москвы и свободного перемещения по территории Польши, а также требовал от стран Запада официального заявления об их политических и экономических обязательствах в отношении Польши. Гарриман оценивал такое поведение оскорбительным для США и считал, что лидер СЛ должен явиться в Москву без всяких условий. Посол рекомендовал Госдепартаменту совместно с британскими коллегами сделать всё возможное, чтобы донести до Миколайчика реальное положение вещей и побудить его к сотрудничеству [5, p. 139–140].

4 марта 1945 г. Гарриман сообщил в Госдепартамент, что советская сторона охладела к идее присутствия американских и британских наблюдателей в Польше. По его мнению, это было связано с тем, что глава британского МИД А. Керр сформировал для этой цели слишком большую группу дипломатов и у СССР возникли подозрения по поводу истинных целей британцев. Посол сетовал на то, что не только советская сторона тормозит выработку решения в отношении польского правительства, но и британское руководство, которое больше озабочено дебатами в Палате общин, чем выполнением Ялтинских соглашений. Затягивание дискуссий по составу правительства, как полагал Гарриман, могло привести к публичной критике, и на этот случай важно было сформулировать позицию США максимально четко, чтобы вся ответственность за возможный срыв переговоров лежала на СССР и поляках [5, p. 141–142].

6 марта 1945 г. Гарриман докладывал в Вашингтон, что все предлагаемые американцами и англичанами аргументы по формированию польского правительства отвергаются советской стороной. Молотов возражал даже против приглашения в Москву архиепископа Краковского Сапеги и представителя СЛ Витоса, хотя устное согласие на это было получено на Ялтинской конференции лично от Сталина [11, р. 990].

Согласно оценке Гарримана, Люблинское правительство считало, что время работает на них, так как с каждым днем оно всё больше овладевало реальной властью, а его члены становились полноправными правителями страны. У американцев не было достоверных данных насчёт преследования в Польше оппозиции, но, как они полагали, Люблин прилагал большие усилия, чтобы сломить сопротивление всех несогласных с новой властью. Посол был уверен, что если Люблинскому правительству доведется столкнуться с действительно сильными оппозиционерами в Москве, то это спровоцирует их на гораздо более радикальную реорганизацию правительства. Поэтому разумнее всего, по его мнению, было убедить комиссию ограничить приглашения теми лицами, которые были более лояльны Кремлю.

Предложение Молотова убедить Вашингтон и Лондон пригласить для обсуждения условий формирования правительства Польши вначале представителей Люблинского комитета, как считал Гарриман, сделало бы Кремль арбитром в дискуссии между США и Великобританией с одной стороны и руководством Варшавы с другой, формально не неся ответственности за исход переговоров. Поэтому он предлагал своему руководству два варианта действий: либо предложить, чтобы каждый член комиссии имел право назначить определенное количество лиц, которые будут приглашены для консультаций в Москву; либо настоять на вызове в Москву Миколайчика и Грабского из Лондона и ещё двух человек из Польши. Гарриман настоятельно рекомендовал надавить на Миколайчика, чтобы тот сделал «простое, прямое и безоговорочное заявление» о том, что в интересах будущего Польши он готов поддержать ялтинские решения и приехать в Москву, если его пригласят. Посол подчеркивал, что Миколайчику следовало «выразить согласие принять решение» Крымской конференции, но не одобрять его.

Имелся и третий, компромиссный вариант, предполагавший согласие Люблинского правительства принять приглашение в Москву, с последующим получением письменного заверения советской стороны в том, что после ознакомления с точкой зрения люблинцев каждый член

комиссии будет иметь право пригласить для консультации любых демократических лидеров из Польши или из-за границы, которых сочтет полезными [5, р. 145–147]. В ответном письме 9 марта 1945 г. Госдепартамент одобрил использование первого или второго варианта, на выбор Гарримана, а также обещал через своего посла при эмигрантских правительствах в Лондоне Р. Шенфельда призвать Миколайчика выступить с заявлением о безоговорочном принятии решения Крымской конференции [5, р. 153], так как его участие для США было залогом успеха переговоров [12, р. 362–364]. Миколайчик, однако, отверг это предложение, заявив, что такой сценарий был бы для него «политическим самоубийством» [5, р. 168–170].

10 марта 1945 г. корреспондент лондонской газеты *News Chronicle* С. Литауэр в разговоре с послом Польши в СССР З. Модзелевским говорил об обеспокоенности Гарримана по поводу задержки в переговорах и его желании достичь согласия. Литауэр отметил, что посол исключил из списка поляков не устраивающих Варшаву Зарембу и Витоса и сообщил о его желании провести предварительную неофициальную встречу с представителями Люблинского руководства (кроме Б. Берута и Э. Осубка-Моравского). 12 марта из того же источника Модзелевский узнал о согласии Гарримана на расширение состава Варшавского правительства [13, с. 7–8].

18 марта 1945 г. заместитель госсекретаря Д. Ачесон в телеграмме Гарриману отмечал, что на данном этапе для достижения согласия между странами Большой Тройки по польскому вопросу необходимо: 1) добиться одинакового толкования текста ялтинского соглашения по Польше, а также согласия на то, чтобы консультации проводились с представителями трёх групп (Люблинского правительства, представителей польской эмиграции и демократических элементов из самой Польши), а не только с представителями Люблина; 2) договориться о приглашении к консультациям любых польских политиков, представляющих демократические силы; 3) прекратить преследования политической оппозиции; 4) обеспечить возможность посещения Польши британскими и американскими наблюдателями [5, р. 172–176]. Данные предложения были переданы советской стороне, которая ответила, что, согласно крымским соглашениям, основой для формирования польского правительства должен стать Люблинский комитет и с ним в первую очередь следует консультироваться комиссии в Москве. СССР выступил против любых консультаций с представителями Лондонского правительства ввиду их выраженной антисоветской позиции. По вопро-

су отправки американо-британских наблюдателей в Польшу Советский Союз рекомендовал американцам обращаться непосредственно в Варшаву [5, р. 176–178].

Существенные разногласия вызывал вопрос о первоочередности приглашения в Москву представителей Люблинского правительства. Совместно с А. Керром Гарриман предложил одновременно с представителями Люблина вызывать также и поляков из двух других групп, отвергнув при этом тезис о ведущем значении Люблинского комитета [5, р. 179–182]. По мнению Гарримана, в сложившейся ситуации было бесполезно продолжать спор о толковании Ялтинской декларации по Польше и пунктов процедуры формирования польского правительства, поскольку эта дискуссия могла продолжаться неделями и оказаться бесплодной. Посол полагал, что ни США, ни Великобритания не должны настаивать на требовании направить наблюдателей в Польшу как на предварительном условии для достижения согласия по другим пунктам, чтобы иметь возможность уступить в этом вопросе в обмен на согласие СССР позволить представительной группе польской оппозиции приехать в Москву, где она могла бы проконсультировать американцев и англичан относительно настроений польского народа. В этой связи, отмечал Гарриман, важно дать понять СССР, что США не возражают против приглашения любых членов правительства из Варшавы, но в ответ Москва должна согласиться с приглашением для консультаций хорошо сбалансированной группы политических деятелей из Польши и из-за рубежа, которые смогут представить демократические силы, не связанные с варшавским правительством.

Очередной список участников консультаций, предложенный Миколайчиком в конце марта 1945 г., был, как считал Гарриман, перфекционистским и нереалистичным, так как включал активных деятелей польского подполья, и мог вызвать дополнительные задержки. Поэтому, по мнению посла, предпочтительнее было согласиться на менее заметных лидеров оппозиции, по пять человек из Польши и из Лондона, не занимавших первых позиций в списке Миколайчика (в список входили Витос, Багиньский, Бьен, Жулавский, Заремба, Файдак, Хачинский, Янковский, Урбанский, Трамплинский, Ясюкович, Зелинский и Адам), которые, во всяком случае, не будут «агентами Коминтерна». В Госдепартаменте соглашались с замечаниями Гарримана, отмечая, что в сложившихся условиях разумнее всего вопросы об американо-британских наблюдателях и политическом перемирии в Польше отложить до того момента, когда

польские политические деятели соберутся в Москве [5, р. 183–185].

3 апреля 1945 г. после очередного заседания комиссии Гарриман отмечал, что переговоры находятся «на грани срыва» ввиду крайне жёсткого поведения советской стороны. Молотов отверг предложенные США и Великобританией кандидатуры демократических деятелей (Попеля, Станчика, Сейде и Гросфельда), так как варшавское правительство возражало против всех американо-британских кандидатов, кроме Грабского. Молотов предложил пригласить трёх представителей Люблинского правительства, Грабского и ещё одного кандидата на выбор – Желиговского, Колодзеля, Кутшебу или кого-либо иного по согласованию с Люблинским правительством. Гарриман указал, что в этом случае Варшавское правительство будет представлено пятью членами, а другие польские элементы будут представлены только двумя. На это Молотов возразил, что после консультаций с этими семью представителями возможно расширение количества приглашённых, указав также на то, что если США и Великобритания смогут убедить варшавских поляков согласиться на приглашение Миколайчика, то Советский Союз не будет возражать. Посол Соединённых Штатов заявил о категорической неприемлемости данного варианта [5, р. 196–198].

Рузвельт надеялся, что Гарриману удастся разобраться с возникшими затруднениями [14, р. 297]. Однако убедившись, что это не так, он решил вмешаться в ситуацию, лично обратившись к Сталину, но этот шаг не изменил хода переговоров [14, р. 311]. Сталин в ответ обвинил Гарримана и Керра в отступлении от ялтинских договоренностей и предложил для определения состава будущего временного правительства Польши использовать «югославскую формулу»¹ [11, р. 993–994]. Сам Гарриман отрицал обвинения советского лидера [5, р. 223–224]. Поведение Сталина давало основания США упрекать СССР в экспансионизме и игнорировании Декларации об освобождённой Европе [15, с. 62–63]. Теоретически Рузвельт мог отмежеваться от политики СССР в Польше, но не мог себе позволить публично поссориться с Москвой, так как это поставило бы под угрозу создание ООН. Поэтому дружественные отношения приходилось поддерживать, тем более что это позволяло сохранить хоть какое-то влияние в Восточной Европе [16, р. 262]. Гарриман в данной связи считал, что американцы должны тесно увязать свою экономическую помощь Европе с решением политических проблем с Советским Союзом [14, р. 312]. К советам Гарримана об оказании экономического давления на

Москву с одобрением отнесся госсекретарь Э. Стеттиниус [14, р. 294].

После смерти Рузвельта многие его сподвижники утратили позиции в руководстве. Стеттиниус из-за большой загруженности не мог управлять всеми нюансами политического процесса, и в этих условиях возросло влияние на принятие решений посла в Москве [17, с. 148]. Именно идеи Гарримана постепенно составили стержень политики США в отношении Польши [18, с. 180].

14 апреля 1945 г. Стеттиниус писал Гарриману, что польский вопрос остаётся самой опасной проблемой в советско-американских отношениях, и советовал напомнить Сталину о желании Рузвельта урегулировать польский вопрос, добавив, что именно возможный провал переговоров по формированию польского правительства вызывал наибольшее беспокойство у покойного президента. Гарриман ответил, что США не должны настаивать на принятии Сталиным американского варианта интерпретации Крымских соглашений. Он указывал на то, что в Ялте не фиксировалась точная цифра приглашённых поляков, и это обстоятельство позволяло проявлять твёрдость при согласовании списка участников до начала консультаций с правительством в Варшаве. Гарриман скептически относился к заявлению Сталина о широкой поддержке ПКНО населением страны, считая, что на самом деле это правительство опирается на советские войска. Кроме того, в послании Сталина посол США в СССР увидел признаки того, что советский лидер готов использовать своё влияние на Варшавское правительство, чтобы заставить его снять возражения против приглашения Миколайчика. По этой причине публичное признание Миколайчиком ялтинских договорённостей, по его мнению, лишило бы Москву оснований для возражений против его участия в консультациях [5, р. 213–217].

Гарриман был убеждён, что Соединённым Штатам следовало настаивать на том, чтобы в консультационную группу польских демократических деятелей вошло не менее 5 человек, чтобы на переговорах с Молотовым в Вашингтоне, на которые в Госдепартаменте возлагали большие надежды, можно было идти на уступки советской стороне [5, р. 223–224]. Стеттиниус скептически отнёсся к этому плану, так как считал, что любое увеличение состава консультантов из числа нелюблинских поляков гарантирует отказ Сталина, а также спровоцирует обвинения, ранее уже выдвигавшиеся против президента Рузвельта, в том, что американцы пытались интерпретировать принятые в Крыму ре-

шения таким образом, чтобы устранить Люблинское правительство [5, р. 228–229].

17 апреля 1945 г. посол вылетел в Вашингтон. Выступая на брифингах перед журналистами, он не раз говорил об обострении противоречий между США и СССР [19, с. 209]. 20 апреля 1945 г. Гарриман докладывал Трумэну и Стеттиниусу, что у СССР два основных направления внешней политики: сотрудничество с США и расширение контроля над соседними государствами. По его словам, доброжелательность США была неправильно истолкована некоторыми членами советского руководства как возможность беспрепятственно «делать всё, что угодно». Он также констатировал, что у некоторых официальных лиц в Москве появилось ошибочное мнение, будто американский бизнес стремится развивать экспорт в СССР, притом что Советам нужны в американской финансовой помощи для послевоенного восстановления экономики, и это обстоятельство существенно укрепляло переговорные позиции США. Трумэн в ответ заметил, что, не владея деталями политики в отношении Польши, он будет всецело полагаться на помощь посла, и добавил, что он «не боится русских» и намерен быть твёрдым в отношениях с ними, так как СССР нуждается в США больше, чем США в СССР. Гарриман тут же пояснил, что Европа переживает настоящее «варварское вторжение», так как продвижение Красной армии ведет к расширению советской системы на территории освобожденных государств, поэтому в Белом доме должны решить, какой должна быть позиция США перед лицом этих «неприятных фактов». При этом посол считал, что США и СССР могут прийти к согласованным решениям, но это потребует отказа от иллюзорной веры в то, что в ближайшем будущем советское правительство будет действовать в соответствии с теми же принципами, что и США. По его мнению, в ходе переговоров в Москве предстояло пойти на определенные уступки. Трумэн сказал, что прекрасно это понимает и не рассчитывает на получение 100 процентов желаемого в переговорах с СССР, однако по наиболее важным вопросам США смогут добиться выполнения 85 процентов своих требований. В то же время урегулирование по Польше, по словам президента, в связи с конференцией в Сан-Франциско приобрело особую важность, и неспособность сохранить дух крымских договорённостей могла привести к существенным проблемам во время обсуждения в Конгрессе вопроса о присоединении США к всемирной организации [5, р. 231–234].

Попытки переговоров по польскому вопросу в конце апреля в Вашингтоне между Молотовым и Стеттиниусом не увенчались успехом. Трумэн, узнав об этих трудностях, собрал совещание с представителями вооруженных сил. Гарриман, присутствовавший на этом заседании, указывал на реальность угрозы разрыва с СССР, но считал, что его можно избежать. Гарриман указывал на шаткость положения правительства в Варшаве как на основной фактор отказа Москвы от попыток его радикальной реорганизации, потому что это грозило утратой советского влияния в Польше. Вопрос, по мнению Гарримана, заключался в том, должны ли США быть соучастниками установления советского господства в Польше [5, р. 253–255; 10, р. 266]. В целом по итогам этого совещания Трумэн был удовлетворён тем, что на тот момент не было никаких причин идти на уступки СССР по польскому вопросу [20, с. 71], поэтому при последующих переговорах с Молотовым он занял более жёсткую позицию [5, р. 253–255; 21, р. 412–413; 22, р. 79–80; 23, р. 1]. Позже Гарриман вспоминал, что был удивлен «атакой Трумэна» (на Молотова. – *Авт.*) и сожалел об этой «ошибке» президента, поскольку его поведение дало Молотову повод сообщить Сталину об отходе США от «рузвельтовской политики» [4, с. 128].

В начале мая стало известно об аресте советскими властями представителей польского «подполья». Данные действия СССР и признание с их стороны невозможности достичь соглашения, пока США и Великобритания не признают варшавское правительство «ядром» нового временного правительства Польши или не согласятся на «югославский» сценарий, загнали переговоры по польскому вопросу в тупик. Гарриман 9 мая 1945 г. во время встречи со Стеттиниусом высказал мнение, что если США немедленно ничего не предпримут, то решение польского вопроса может «заглохнуть», поэтому важно укрепить позицию Вашингтона по этому поводу и не создавать собственным молчанием впечатление, что американцы во всем согласны со Сталиным. Гарриман сказал, что беспокоят не столько детали процентного соотношения различных групп поляков в будущем правительстве, сколько шансы уговорить Миколайчика, очень ценного для США элемента, принять участие в его формировании. Посол считал, что Сталин хотел бы сохранить хорошие отношения с США, поэтому в конечном счёте ради этого он предпочтёт иметь частично дружественную Польшу и не будет стремиться к установлению полного контроля над этой страной, рискуя конфронтацией с Вашингтоном. По его мнению, американцам следовало хорошо подготовиться к переговорам по польскому вопросу, сформировать приемлемый спи-

сок демократических кандидатов для включения в состав правительства, чтобы представить готовые предложения на встрече лидеров Большой Тройки, чтобы проще было договориться [5, р. 290–293]. Кроме того, в качестве рычага экономического давления он предлагал использовать сокращение поставок СССР по ленд-лизу, но пока без официальной привязки к польскому вопросу [14, р. 357–358].

Фактически в тот момент Трумэн стоял перед выбором: признать подконтрольное Москве правительство в Варшаве или разорвать отношения с СССР. Президент выбрал первое, так как Вашингтон нуждался в участии СССР в войне с Японией [24, с. 21]. Гарриман чувствовал, что Москва, возможно, и не пыталась «коммунизировать» своих соседей, но её опасения по поводу безопасности были настолько глубоко укоренившимися, что она стремилась к полному контролю над политикой и экономикой своих новых «вассалов» [10, р. 247].

19 мая 1945 г. Трумэн принял решение направить своего советника Г. Гопкинса в Москву, где тот вместе с Гарриманом должен был обсудить со Сталиным возможные варианты решения польского вопроса [25, р. 21]. Именно Гарриману удалось убедить Трумэна послать в Москву Гопкинса [26, с. 32–34], который в конечном счёте смог согласовать с советским руководством список поляков – участников предстоящих консультаций, формально удовлетворявший требованиям Ялты.

В результате решено было пригласить на переговоры из Лондона Миколайчика, Станчика, а третьим Колодзеля или Ю. Заковского. Из Польши должны были приехать Витос, Жулавский, Кутшеба, Колодзерский, Кржижановский, а также 3 или 4 представителя ПКНО. Сталин дал своё согласие на этот состав [5, р. 328–329; 27, с. 1].

Гарриман положительно оценивал визит Гопкинса в Москву, считая, что он значительно улучшил атмосферу отношений между США и СССР, хотя и не решил большинство проблем. Несмотря на первоначальную «агрессивность» Сталина в переговорах и его заявления о возможности СССР самостоятельно справиться со всеми трудностями при отказе США от сотрудничества, советский лидер в целом благосклонно воспринял приезд Гопкинса. По мнению Гарримана, Сталин не понял и вряд ли поймёт суть принципиальной заинтересованности США в свободной Польше, так как он реалист, а потому он никогда не примет на веру приверженность американцев абстрактным принципам демократии и будет считать, что у Вашингтона есть скрытые мотивы. Однако, как полагал посол, советский лидер нуждается в американской помощи, а потому вынужден считаться с мнени-

ем Вашингтона. Кроме того, большим преимуществом миссии Гопкинса было личное общение со Сталиным, так как Молотов, по его мнению, не всегда объективно докладывал истинное положение дел [25, р. 61–62].

9 июня 1945 г. приглашения наконец были разосланы по согласованному списку адресатов. Однако Заковский отказался от участия в переговорах в Москве, ссылаясь на то, что он не был политиком и не желал брать на себя ответственность. В Госдепартаменте рекомендовали послу в Лондоне Р. Шенфельду поговорить с Миколайчиком, чтобы тот убедил Заковского пересмотреть своё решение, но в случае если последний будет упорствовать, в Вашингтоне полагали, что Миколайчику и Станчику лучше отправляться в Москву без него. На тот случай, если советская сторона будет настаивать на приезде Колодзеля, Гарриману предписывалось убедить русских отказаться от этого, а в случае их категорического отказа – принять это предложение, чтобы не задерживать приезд остальных поляков [5, р. 336–337].

14 июня 1945 г. Витос также отказался от участия в переговорах, сославшись на состояние здоровья [28, р. 116; 29, с. 10]. В связи с этим Миколайчик предложил взамен пригласить в Москву другого лидера СЛ – Керника. Миколайчик объяснял свои требования отсутствием информации по деятельности Крестьянской партии непосредственно на польской территории, опасаясь того, что лидеры СЛ, находящиеся в Польше и поддерживающие Люблинское правительство, могут поставить под сомнение его авторитет среди польского электората. Миколайчик настаивал на включении в список К. Попеля вместо Заковского, а также рассмотрении кандидатуры А. Сапеги, но после предварительной консультации с Витосом в Польше [5, р. 340–341].

Гарриман по поводу требований Миколайчика выражал крайнее беспокойство, так как отказ от приезда в Москву после достигнутых договоренностей мог серьёзно подорвать его авторитет в польских политических кругах. Гарриман призывал Вашингтон и Лондон оказать давление на Миколайчика, чтобы тот немедленно выехал в советскую столицу, обещав организовать приезд Витоса в Москву, а также попытаться удовлетворить ряд других требований лидера СЛ. Гарриман отмечал, что советская сторона уже имеет негативный опыт взаимодействия с Миколайчиком и поэтому он пока не будет информировать руководство СССР о задержке с его отъездом. Посол напомнил слова Сталина о том, что Миколайчик «каждый раз опаздывал на автобус и будет это делать

впредь», поэтому отказ от приезда в Москву лишь укрепит мнение советского лидера в этом. В Госдепартаменте соглашались с предложениями Гарримана о необходимости оказать совместное с британским правительством давление на Миколайчика и выполнении хотя бы одного из его требований в случае невозможности доставить Витоса в Москву. При этом Вашингтон не поддержал инициативу Лондона о включении в список Попеля взамен Заковского, так как сомневался, что от этого можно будет что-то «выиграть» [5, р. 341–343].

В результате обсуждения требований Миколайчика с Молотовым Гарриману удалось договориться о направлении Витосу ещё одного приглашения, обещая принять все меры для его медицинского обслуживания во время поездки и пребывания в Москве. В случае повторного отказа Витоса решено было пригласить В. Керника, но вопрос о возможной поездке Миколайчика в Польшу для встречи с Витосом по просьбе советской стороны был отложен до завершения консультаций. И так как Молотов согласился с приглашением Керника, представители США и Великобритании согласились с выдачей приглашения Колодзю вместо Заковского, так как пересмотр отношения к кандидатуре К. Попеля советской стороной был отвергнут [5, р. 344].

Великобритания разделяла опасения Миколайчика о том, что начавшийся 14 июня 1945 г. в Москве судебный процесс над арестованными лидерами польского подполья создаст «нежелательную атмосферу» в ходе переговоров. Вечером 15 июня 1945 г. У. Черчилль всё-таки смог убедить Миколайчика поехать на переговоры [30, р. 388–389], и 17 июня он и Станчик прибыли в Москву.

Докладывая о своём первом впечатлении от встречи поляков в Москве, А. Гарриман отмечал взаимопонимание всех польских политических деятелей и стремление к достижению согласия в вопросе формирования временного правительства. Отдельно посол акцентировал положительное впечатление от разговора с председателем КРН Берутом и председателем варшавского правительства Осубка-Моравским, которые проявили большое желание к сотрудничеству с США, прежде всего в экономической сфере. Берут в ходе разговора дал понять, что варшавское правительство готово пойти на компромисс и ввести в свой состав новых лиц, чтобы удовлетворить американское общественное мнение. Берут указывал на значительное недоверие варшавских поляков к британцам ввиду их тесных связей с эмигрантским правительством в Лондоне, сторонники которого по-

прежнему оказывали вооруженное сопротивление властям в Варшаве. Берут также отметил, что американская армия не создавала препятствий для поляков, которые хотели вернуться в Польшу, тогда как британская армия препятствовала этому [5, р. 356–348].

Во время обсуждения польскими политическими деятелями формирования польского временного правительства в Москве состоялся судебный процесс над активистами польского подполья. Гарриман отмечал, что это оказывает неблагоприятное воздействие на итог переговоров. От присутствия в суде Гарриман отказался ввиду того, что это могло быть истолковано советским руководством как сомнение в «добропорядочности» их мотивов. В Госдепартаменте соглашались с послом в том, что суд организован в весьма критический для Польши момент, и считали, что данный процесс носит преимущественно политический характер и направлен больше против польского правительства в Лондоне и его сторонников в Польше и на Западе, чем против самих подсудимых. В Вашингтоне полагали, что, по крайней мере отчасти, данный процесс предназначен для дискредитации любой политической организации, которую в будущем можно было использовать в качестве «антисоветского оружия». Мягкость приговоров представлялась американцами уступкой их собственным взглядам и просьбам, а также попыткой умиловить возбуждённое общественное мнение в странах Запада. Американское руководство отчётливо ощущало, что советские власти демонстрируют «обескураживающее отсутствие духа сотрудничества», отказавшись отвечать на запросы по информации о пропавших без вести поляках [5, р. 348–350].

21 июня 1945 г. переговоры между представителями польских политических сил в Москве завершились созданием Временного правительства национального единства (*Tymczasowy Rząd Jedności Narodowej* – ВПНЕ). Премьер-министром был избран Осубка-Моравский (ППС), вице-премьерами стали министр возвращённых территорий В. Гомулка (Польская рабочая партия, *Polska Partia Robotnicza* – ППР) и министр сельского хозяйства Миколайчик (СЛ). Большинство других министров перешли в состав ВПНЕ из Люблинского правительства, сохранив за собой прежние функции; исключениями стали Керник (СЛ, министр государственного управления), Станчик (министр труда и социального обеспечения), Тугутт (СЛ, министр почт и телеграфа), Выцех (СЛ, министр образования), а также Колодзейский (б.п., министр без портфеля). Таким образом, шестнадцать из двадцати одного члена ВПНЕ уже вхо-

дили в Люблинское правительство или были тесно связаны с ним до реорганизации. Все три польские группы, собравшиеся в Москве, согласились, что в состав нового правительства должны войти семь человек, не связанных с варшавским Временным правительством. Однако трое из этих лиц по состоянию здоровья или по другим причинам отказались от портфелей в новом правительстве: Тугутт (СЛ), Колодзейский (б.п.), Жулавский (ППС). Четверо (Миколайчик, Станчик, Керник, Выцех) заняли посты в новом правительстве. Остальные шестнадцать членов рассматривались американцами как лица, ориентированные на Москву.

Исполнительная власть по-прежнему была представлена Президиумом Государственного национального совета (*Krajowa Rada Narodowa* – КРН), который ранее состоял из пяти членов, включая Б. Берута, маршала М. Рола-Жимерского, Ковальского, Замбровского (ППР) и Р. Миклера (Демократическая партия, *Stronnictwo Demokratyczne* – СД), но теперь была расширена за счёт трёх представителей нелюблинских поляков: С. Швальбе (ППС), Витос (СЛ), С. Грабский (б.п.) Кроме того, Берут заявил, что, как только будет сформировано новое правительство, КРН, который ранее насчитывал 140 членов, будет значительно расширен за счёт включения демократических лидеров, не связанных напрямую с варшавским правительством [25, р. 716–720; 31, с. 14–15].

Гарриман после достижения согласия по составу ВПНЕ дал понять польским политикам, что это только первый шаг по выполнению Ялтинских договорённостей, после которого должна начаться подготовка к проведению свободных выборов. Посол отмечал, что данное урегулирование было достигнуто только потому, что все нелюблинские поляки были настолько обеспокоены нынешним положением дел, что приняли компромисс, который сохранял надежду на независимость Польши. У Гарримана создалось впечатление, что нарком иностранных дел СССР Молотов и варшавские поляки после достижения согласия по формированию ВПНЕ пребывали в приподнятом настроении, остальные же поляки были серьёзно обеспокоены, но надеялись, что благодаря тому, что они пошли навстречу требованиям Москвы, взамен получат свободу действий [5, р. 352–354].

В отличие от А. Кларка Керра, обещавшего признать ВПНЕ сразу после его формирования, Гарриман, считавший подобный жест неоправданно поспешным, ограничился заявлением о том, что американское правительство определит свою позицию после того, как временное правительство Польши будет сформировано окон-

чительно [5, р. 355]. Американский посол подчёркивал важность, которую руководство США придаёт деятельности Трудовой партии (Stronnictwo Pracy – СП), выразив пожелание, чтобы лидеру партии Попелю было предложено вернуться в Польшу и заняться общественной деятельностью. Кроме того, он неоднократно поднимал вопрос о гарантиях свободы собраний и свободы слова во время избирательной кампании и предложении амнистии для лиц, обвиненных в политических преступлениях. Однако Берут таких заверений не дал [5, р. 356–357].

На заключительном заседании комиссии 22 июня 1945 г. Колодзейский был исключен из списка новых министров по личным причинам. Берут при поддержке остальных поляков выступил за устранение слова «временный» из наименования сформированного правительства Польши. Несмотря на полученное Гарриманом предварительное согласие Вышинского на сохранение данного слова в наименовании правительства, на заседании комиссии Молотов выступил в поддержку Берута. Гарриман ответил, что не сможет получить быстрый ответ своего правительства по этому поводу, и предположил, что Вашингтон вряд ли одобрит изменение решения президента Рузвельта по этому вопросу. Берут снял предложение об исключении слова «временный» и заверил американского дипломата в том, что название польского правительства не будет изменено без одобрения США и Великобритании.

Попытки Гарримана уточнить детали договорённостей по формированию польского правительства, не включённые в официальный отчёт, но касающиеся расширения состава КРН и замещения должностей заместителей министров, наталкивались на сопротивление советской стороны, квалифицировавшей эти запросы как неуместное вторжение в дела польского правительства. Тем не менее он рекомендовал своему руководству одобрить достигнутое в Москве соглашение [25, р. 720–721]. Посол считал важным, что Берут и его соратники в частных беседах с американским послом давали понять, что они нуждаются в американской моральной и экономической поддержке и готовы установить более тесные отношения с США, чем в настоящее время желает руководство СССР. Другие польские лидеры отмечали, что их единственная надежда на достижение независимости и личной свободы заключается в том, что американское правительство будет и впредь добиваться выполнения достигнутых соглашений [5, р. 357–361].

Оценивая результаты переговоров, Гарриман говорил о некотором разочаровании, которое он

испытал из-за того, что нелюблинские поляки получили мало мест в правительстве. Он считал причиной этого то, что поляки заняли недостаточно сильную позицию в переговорах. Особое беспокойство посла вызывало сохранение поста министра госбезопасности в руках коммуниста С. Радкевича, так как это министерство развивало «тайную полицию по русскому образцу», что ставило под угрозу свободные выборы в Польше. В целом посол положительно оценивал действия нелюблинских поляков, которые, по его мнению, поступили мудро, приняв наиболее оптимальные условия формирования правительства. Гарриман считал, что всё сделано «настолько хорошо, насколько было возможно в настоящее время», но если США в дальнейшем будут принимать деятельное участие в польских делах, проявляя должную «щедрость» в экономических вопросах, то сохраняется хороший шанс на то, что в Польше «всё наладится» [25, р. 727–728]. В польских эмигрантских кругах такой оптимизм разделяли далеко не все. Член Правительства Польши в изгнании Т. Филипович позже отмечал, что американская формула четырех свобод вселила надежду в поляков, но эти надежды вскоре рассеялись и окончание войны принесло результаты, выглядевшие как «горькая ирония на провозглашенные лозунги», так как «нацистская тирания сменилась советской» [32, с. 2]. Спустя много лет Гарриман признавал, что после Ялты они с Боленом «хотели нанести сильный удар сразу», имея в виду отношения с СССР. Движущей силой, по мнению Гарримана, была их убежденность в том, что «польское соглашение должно быть согласовано во второй раз». Второе соглашение должно было вернуть большую часть ялтинских уступок Рузвельта и Черчилля Сталину [33, р. 321].

Гарриман стал одним из авторов реорганизации Временного польского правительства национального единства. С одной стороны, именно благодаря его усилиям руководству США удалось реализовать Ялтинские договорённости о Польше и предъявить результаты их выполнения американской общественности, что было крайне важно для внутрисполитической стабильности в США. Кроме того, относительная внутрисполитическая стабильность была достигнута и в самой Польше, так как созданием временного правительства удалось примирить часть польских политических группировок. С другой стороны, что также крайне важно, благодаря усилиям Гарримана было отсрочено начало холодной войны, так как польский вопрос в советско-американских отношениях был наиболее проблемным и именно он в первую очередь провоцировал конфликт между держа-

вами, а также активизировал иные имевшие место противоречия. После смерти президента Рузвельта роль Гарримана в решении польской проблемы существенно возросла, так как в отличие от своего предшественника Трумэн не был опытным политическим игроком и на первых порах во многом полагался на своих советников. Поэтому при решении польского вопроса во многом использованы идеи Гарримана. Именно его рекомендации по использованию экономических рычагов во многом легли в основу дальнейшей политики США в отношении Польши в первые послевоенные годы, не оставив Вашингтону иной тактики, кроме как попытаться обеспечить проведение «свободных выборов». В долгосрочной перспективе данные решения не способствовали разрешению глубинных противоречий между державами Большой Тройки, но лишь их ингибированию, закладывая фундамент дальнейшей биполярной конфронтации между США и СССР.

Примечания

1. Временное югославское правительство было сформировано 7 марта 1945 г. в составе 28 человек, при этом только трое из них представляли политические группы, не связанные с коммунистами и партизанами, но их влияние в новом правительстве было фактически нулевым (См.: Славяноведение. 2009. № 5. С. 29–30).

Список литературы

1. Abramson R. Spanning the century: the life of W. Averell Harriman, 1891–1986. New-York: W. Morrow, 1992. 779 p.
2. Василенко В.В. Ялтинские решения по польскому вопросу и первые попытки их реализации ведущими державами антигитлеровской коалиции (февраль – апрель 1945 г.) // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Киров, 29–30 апреля 2015 г. С. 214–227.
3. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 7а литера а. Д. 26. П. 59. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7-a/?PAGEN_1=3 (дата обращения: 05.01.2023).
4. Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 119–150.
5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. V. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. 1327 p.
6. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сб. док. в 4 т. Т. 4. 1939–1945. М.: Аспект Пресс, 2017. 704 с.
7. АВП РФ. Ф. 069 «Референтура по Великобритании». Оп. 29. Д. 31. П. 95. URL: [https://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-britanskije-otnosheniya/referentura-po-ve-](https://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-britanskije-otnosheniya/referentura-po-ve-likobritanii/29/?PAGEN_1=3)
8. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 7. Д. 589. П. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=41 (дата обращения: 05.01.2023).
9. АВП РФ. Ф. 0129 «Референтура по США». Оп. 29 АВТО. Д. 20. П. 168. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-amerikanskije-otnosheniya/referentura-po-ssha/29-avto/?PAGEN_1=3 (дата обращения: 05.01.2023).
10. Isaacson W. The wise men: six friends and the world they made: Acheson, Bohlen, Harriman, Kennan, Lovett, McCloy. N.Y.: Simon and Schuster, 1986. 853 p.
11. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Conferences at Malta and Yalta. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1955. 996 p.
12. Ciechanowski J. Defeat in Victory. New York: Doubleday, 1947. 397 p.
13. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 7. Д. 586. П. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=41 (дата обращения: 05.01.2023).
14. Stettinius E. The diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946. N. Y.: New Viewpoints, 1975. 544 p.
15. Юнгблюд В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13. С. 52–79.
16. Plokhly S. Yalta: the price of peace. N.Y.: Viking, 1957. 451 p.
17. Минкова К.В. Короткая дорога к «холодной войне»: формирование негативного образа СССР в американском политическом дискурсе конца 1944–1945 гг. // Псковский военно-исторический вестник. 2018. № 4. С. 146–160.
18. Юнгблюд В.Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб.: Образование, 1996. 222 с.
19. Печатнов В.О. Дипломатическая миссия А. Кларк-Керра в Москве (1942–1946 годы) (Окончание) // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 193–214.
20. Василенко В.В. Политика администрации Гарри С. Трумэна в польском вопросе в апреле 1945 г.: жёсткая линия или непоследовательность? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 19. С. 67–72.
21. Leahy W.D. I Was There. N. Y.: McGraw-Hill Book, 1950. 527 p.
22. Truman H.S. Memories. Vol. I: Year of Decisions. Michigan university: Doubleday, 1955. 645 p.
23. Truman H.S. Library and Museum. President's Secretary's File. Ideological Foundations of the Cold War. Memo, Edward Stettinius to Harry S. Truman. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/memo-edward-stettinius-harry-s-truman?documentid=2&pagenumber=1> (дата обращения: 05.01.2023).
24. Айриян Р.С. «Станет ли Польша, колыбель европейской свободы, кладбищем мировой демократии»: польский вопрос в советско-американских отношениях (1944–1945 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 16–22.
25. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam

Conference). Vol. I. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1960. 1054 p.

26. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. Rząd Polski na Emigracji. Ministerstwo Spraw Zagranicznych Wydział Wschodni: Opracowania i dokumenty dot. Stosunków Polski z ZSRR. Depesze i zapisy rozmów z przedstawicielami ZSRR. URL: <https://archiwa.pilsudski.org/teczka.php?nonav=0&nrrar=701&nrrzesp=9&sygn=15> (дата обращения: 05.01.2023).

27. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 7. Д. 596. П. 40. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=42 (дата обращения: 05.01.2023).

28. Mikolajczyk S. The rape of Poland: pattern of Soviet aggression. N.Y.: Whittlesey House, 1948. 309 p.

29. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 7. Д. 730. П. 46. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=52 (дата обращения: 05.01.2023).

30. Rozek E. Allied wartime diplomacy: a pattern in Poland. N. Y.: Wiley, 1958. 506 p.

31. АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 7. Д. 591. П. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=42 (дата обращения: 05.01.2023).

32. Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. Archiwum Tytusa Filipowicza. Sytuacja światowa. URL: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/1952> (дата обращения: 05.01.2023).

33. Costigliola F. Roosevelt's lost alliances: how personal politics helped start the Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2012. 533 p.

34. Костин А.А. Дипломатия США и борьба за власть в Югославии в 1945 году // Славяноведение. 2009. № 5. С. 29–38.

THE UNITED STATES AMBASSADOR TO THE USSR W.A. HARRIMAN AND THE SOLUTION OF THE POLISH QUESTION WITHIN THE MOSCOW COMMISSION, FEBRUARY–JUNE 1945

D.G. Nemchaninov

The article analyzes the activities of the United States Ambassador to the USSR A. Harriman within the framework of the Moscow Commission for the formation of the provisional Polish government from February to June 1945, where he was a member along with the British Ambassador to Moscow A. Clark Kerr and the Soviet People's Commissar for Foreign Affairs V. Molotov. The main motives, views and tactics of the negotiation process of the American ambassador, their influence on the policy of the United States towards Poland in the first half of 1945, the direct solution of the Polish question and the development of the international situation are examined. The conclusions about the significant influence of Harriman's activities on the formation of the Provisional Government of National Unity of Poland are substantiated. During the negotiations, the American ambassador enjoyed significant independence, which ultimately significantly influenced their outcome, and also shaped the subsequent tactics of using economic mechanisms in resolving the Polish issue. All the results achieved during the negotiations were palliative in nature and had a fundamental impact on the genesis of the Cold War.

Keywords: Cold War, Poland, Yalta Conference, A. Harriman, Polish question, Polish-American relations, United States.

References

1. Abramson R. Spanning the century: the life of W. Averell Harriman, 1891–1986. New-York: W. Morrow, 1992. 779 p.

2. Vasilenko V.V. Yalta decisions on the Polish issue and the first attempts to implement them by the leading powers of the anti-Hitler coalition (February – April 1945) // 1945: the formation of the foundations of the post-war world order: Collection of materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Kirov, April 29–30, 2015. P. 214–227.

3. АВП РФ. Ф. 06 «V.M. Molotov's Secretariat». Оп. 7a litera a. Д. 26. П. 59. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotov/sekretariat-vm-molotova/7-a/?PAGEN_1=3 (Date of access: 05.01.2023).

4. Pechatnov V.O. The Moscow Embassy of Admiral Harriman (1943–1946) // New and modern history. 2002. № 4. P. 119–150.

5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. V. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. 1327 p.

6. Soviet-Polish relations in 1918–1945: Collection of documents. In 4 vols. Vol. 4. 1939–1945. M.: Aspect Press, 2017. 704 p.

7. АВП РФ. Ф. 069 «Reference on the United Kingdom». Оп. 29. Д. 31. П. 95. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-britanskie-otnosheniya/referentura-po-ve-likobritanii/29/?PAGEN_1=3 (Date of access: 05.01.2023).

8. АВП РФ. Ф. 06 «V.M. Molotov's Secretariat». Оп. 7. Д. 589. П. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=41 (Date of access: 05.01.2023).

9. АВП РФ. Ф. 0129 «Reference in the USA». Оп. 29 AUTO. Д. 20. П. 168. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sovetsko-amerikanskije-otnosheniya/referentura-po-ssha/29-avto/?PAGEN_1=3 (Date of access: 05.01.2023).

10. Isaacson W. The wise men: six friends and the world they made: Acheson, Bohlen, Harriman, Kennan, Lovett, McCloy. N.Y.: Simon and Schuster, 1986. 853 p.

11. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Conferences at Malta and Yalta. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1955. 996 p.

12. Ciechanowski J. Defeat in Victory. New York: Doubleday, 1947. 397 p.

13. АВП РФ. Ф. 06 « V.M. Molotov's Secretariat ». Оп. 7. Д. 586. П. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-in-m-molotov/sekretariat-in-m-molotov/7/?PAGEN_1=41 (Date of access: 05.01.2023).

14. Stettinius E. The diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946. N. Y.: New Viewpoints, 1975. 544 p.

15. Jungblud V.T. The World order of 1945 – a process with an «open» continuation // Bulletin of MSUIR University. 2020. № 13. P. 52–79.
16. Plokhy S. Yalta: the price of peace. N.Y.: Viking, 1957. 451 p.
17. Minkova K. V. The short road to the Cold War: the formation of a negative image of the USSR in the American political discourse of the end of 1944–1945 // Pskov Military Historical Bulletin. 2018. № 4. P. 146–160.
18. Jungblud V.T. Roosevelt Era: diplomats and diplomacy. St. Petersburg: Obrazovanie, 1996. 222 p.
19. Pechatnov V.O. A. Clark-Kerr's diplomatic mission in Moscow (1942–1946) (Ending) // New and modern history. 2017. № 5. P. 193–214.
20. Vasilenko V.V. The policy of the Harry S. Truman administration on the Polish question in April 1945: a hard line or inconsistency? // Scientific Bulletin of Belgorod State University. 2015. № 19. P. 67–72.
21. Leahy W.D. I Was There. N. Y.: McGraw-Hill Book, 1950. 527 p.
22. Truman H.S. Memories. Vol. I: Year of Decisions. Michigan university: Doubleday, 1955. 645 p.
23. Truman H.S. Library and Museum. President's Secretary's File. Ideological Foundations of the Cold War. Memo, Edward Stettinius to Harry S. Truman. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/memo-edward-stettinius-harry-s-truman?documentid=2&pagenumber=1> (Date of access: 05.01.2023).
24. Airiyan R.S. «Will Poland, the cradle of European freedom, become the graveyard of world democracy»: the Polish question in Soviet-American relations (1944–1945) // Humanitarian and Legal studies. 2017. № 3. P. 16–22.
25. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). Vol. I. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1960. 1054 p.
26. Józef Piłsudski Institute in America. The Polish government in exile. Ministry of Foreign Affairs Eastern Division: Studies and documents on Poland's relations with the USSR. Dispatches and records of conversations with representatives of the USSR. URL: <https://archiwa.pilsudski.org/teczka.php?nonav=0&nrrar=701&nrrzesp=9&sygn=15> (Date of access: 05.01.2023).
27. AFP RF. F. 06 «V.M. Molotov's Secretariat». Op. 7. D. 596. P. 40. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotov/sekretariat-v-m-molotov/7/?PAGE_N_1=42 (Date of access: 05.01.2023).
28. Mikolajczyk S. The rape of Poland: pattern of Soviet aggression. N.Y.: Whittlesey House, 1948. 309 p.
29. AFP RF. F. 06 «V.M. Molotov's Secretariat». Op. 7. D. 730. P. 46. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=52 (Date of access: 05.01.2023).
30. Rozek E. Allied wartime diplomacy: a pattern in Poland. N. Y.: Wiley, 1958. 506 p.
31. AFP RF. F. 06 «V.M. Molotov's Secretariat». Op. 7. D. 591 P. 39. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/7/?PAGEN_1=42 (Date of access: 05.01.2023).
32. Józef Piłsudski Institute in London. Archive Of Titus Filipovich. World situation. URL: <https://archiwa.pilsudski.org.uk/dokument/1952> (Date of access: 05.01.2023).
33. Costigliola F. Roosevelt's lost alliances: how personal politics helped start the Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2012. 533 p.
34. Kostin A.A. U.S. diplomacy and the struggle for power in Yugoslavia in 1945 // Slavonic Studies. 2009. № 5. P. 29–38.